

В. СОКОЛОВ. НА ПУШКИНСКОЙ ОРБИТЕ

Находка Шаховского

«Брянский всегда, везде одинаков. Вечно улыбающийся Фингал, Тезей, Орозман, Язон, Дмитрий — равно бездушны, надуты, принужденны, томительны. Напрасно говорите вы ему: расшевелись, батюшка! Развернись, рассердись, ну! ну! Неловкий, размеренный, скатый во всех движениях, он не умеет владеть ни своим голосом, ни своей фигурой. Брянский в трагедии никогда никого не тронул, а в комедии не рассмешил. Несмотря на это, как комический актер он имеет преимущество и даже истинное достоинство».

НОГИЕ биографы Пушкина считали и считают его крупным знатоком театра. А сам себя он, видимо, не считал. При жизни не опубликовал ни одной статьи, посвященной русской сцене, те, что начинал писать, как правило, не оканчивал. Такая судьба постигла и «Мои замечания об русском театре», откуда взят только что приведенный отрывок. Между тем его «Замечания», по-юношески категоричные, содержат глубокие и объективные суждения. Время подтвердило правильность оценок, поставленных двадцатилетним поэтом актерам, которых он знал в жизни и за которыми внимательно следил из зрительного зала. В том числе — Брянскому.

Вероятно, чиновник самого низшего класса — регистратор Яков Григорьевич Григорьев, выбравший для себя этот псевдоним, так и остался бы в безвестности, если бы его не «раскопал» бескорыстно преданный театру, неутомимый толстачок князь Александр Александрович Шаховской, выпестовавший многих блестящих актеров. Это он заметил «божью искру» в скромном молодом человеке, стал с ним заниматься, а потом, пользуясь своим авторитетом и влиянием, добился приема Григорьева в императорскую труппу. Шаховской искал замену великому трагиком Алексею Яковлеву, который медленно, но верно спивался. И, как верилось неистовому театру, такую замену нашел.

7 сентября 1811 года состоялся дебют Григорьева-Брянского на сцене Кушелевского театра, названного так по фамилии владельца дома, где он размещался. Сыграл он «влюбленного Шекспира» — коронную роль Яковлева. О первых шагах молодого актера переводчик и театрал Степан Петрович Жихарев писал впоследствии:

«Брянский, несмотря на сравнение с великим нашим актером, которое его ожидало, имел отличный успех... Игра Брянского... нравилась и самому Яковлеву, который был чужд зависти, принимая радужное участие в успехах молодых талантов, и готов был уступить им роли, если они находили их по своим силам».

Подчеркнем: Брянский дебютировал в комедийной роли. Пушкин же, как вы помните, писал о Брянском, что он «имеет преимущество» именно «как комический актер». Итак, мнения Александра Сергеевича и признанных авторитетов совпадали. Что же касается трагедийного амплуа Брянского, то сам он имел на этот счет собственное мнение. Молодой артист особенно упорно работает над ролями классической трагедии. А Шаховскому все мало: он требует от своего ученика отточности каждого жеста, каждого слова. И уже через пять лет после дебюта Якова Григорьевича прощавшийся со сценой Яковлев передал ему одну из своих любимейших ролей — Танкреда из вольтеровской трагедии того же названия. Это произошло в августе 1816-го, за год с небольшим до того, как великий трагик покинул и другую сцену — жизнь.

Судьба свела Брянского на одной сцене с первоклассными русскими актерами. На росте его мастерства несомненно, сказалась игра не только Яковлева, но и Екатерины Семеновны Семеновой. Ведь именно с ней он репетировал и выступал в постановках «Ариадны» и «Горацийев» Корнелия, «Фингала» и «Дмитрия Донского» Озерова, «Марии Стюарт» Шиллера, «Ифигении в Афинах» Расина, «Отелло» Шекспира и других трагедий. Однако, как справедливо отмечают историки театра, Брянский только занял место Яковлева, но не заменил его. С большим правом на «замену» претендовали «подраставшие» Василий Андреевич Каратыгин — в Петербурге и Петр Степанович Мочалов — в Москве. В

конце концов они затмили своего старшего товарища и соперника.

Если верить дочери Брянского, Авдотье Яковлевне Панаевой (Головачевой), которая оставила любопытные мемуары, вызывающие читательский интерес и сегодня, ее отец был далек от завистливости, от интриг и склок. Вот что она писала незадолго до своей кончины:

«Я не слыхала, чтоб отец, приехав с репетиции или спектакля, передавал закулисные новости, — а их всегда бывает много. Он был равнодушен, если Каратыгина вызывали лишний раз сравнительно с ним. Отец ни с кем из артистов не ссорился, да и особенной дружбы не водил. Он ни к кому никогда не ходил в гости, а у него все бывали. Часто отец приехав после спектакля, находил у себя множество гостей, играющих в карты на нескольких столах. Мать не могла обойтись вечером без карт. Отец поужинав, отправлялся спать. (...) Мне кажется, что отец потому относился так равнодушно к закулисным интригам, что у него слишком много было других интересов».

Ничего необычного в интересах Брянского мы не обнаружим. Охота, дрессировка собак, увлечение певчими птицами, бильярд. А вот к некоторым знаменитым артистам следует присмотреться поближе. Среди них был герой Отечественной войны 1812 года граф Михаил Андреевич Милорадович, ставший впоследствии петербургским генерал-губернатором и сыгравший определенную роль в замене сибирской ссылки Пушкина южной. Вполне возможно, что он рассказывал Брянскому историю преследования автора «возмутительных» стихов. На короткой ноге был Яков Григорьевич и с денатристом Александром Ивановичем Якубовичем, которому его тезка-поэт также симпатизировал. По поводу этого знакомства актеру императорского театра пришлось даже давать объяснения.

Мы не располагаем бесспорными данными о встречах и тесном общении Пушкина и Брянского в театре, где поэт считался «почетным гражданином кулис», или у общих знакомых. Но возможность таких встреч весьма вероятна, особенно в 1832 году. 27 января в бенефис Якова Григорьевича была поставлена трагедия «Моцарт и Сальери», в которой Брянский сыграл Сальери. 29 июня он выступил в роли старого цыгана в спектакле, поставленном по пушкинской поэме. И зимой, и летом 32-го Александр Сергеевич находился в Петербурге, и трудно поверить, чтобы он не приезжал на постановки своих произведений.

На 1 февраля 1837 года был назначен бенефис Василия Андреевича Каратыгина, для которого актер выбрал «Скупого рыцаря», предложив Брянскому сыграть барона. Спектакль отменили: первого февраля гроб с телом Пушкина стоял уже в церкви Конюшенного ведомства.